

ОМАР ХАЙЯМ И ЕГО РУБАИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Байеш Жабар Зияра

Baish Jabbar Ziara

الباحث / بايش جبار زياره

Около 150 лет назад на литературном небосклоне Европы вспыхнула яркая звезда. Стихи чужеземного поэта, о которых прежде на Западе никто не знал, кроме редких специалистов, преодолев толщу многих веков, заговорили на чужом языке, засверкали среди чуждой им культуры. Первый английский переводчик Омара Хайяма Эдвард Фитцджеральд в одночасье стал знаменитым. Слава Омара Хайяма поставила имя переводчика его рубаи в один ряд со светилами английской и мировой литературы. Издание переводов рубаи Омара Хайяма перевернуло европейскую и мировую культуру. Оно вызвало огромный интерес не только к творчеству Омара Хайяма, но и других поэтов и мыслителей из стран Востока. Переведенные Э. Фитцджеральдом рубаи Омара Хайяма оказали огромное влияние на развитие европейской поэзии, особенно английской, которая пыталась освободиться от строгих норм классики и викторианской эпохи. Основная причина огромной популярности рубаи заключается в их уникальности: рубаи захватывали даже тех читателей, которых ранее ничего не связывало с этим жанром поэзии. На длительное время слава и популярность Омара Хайяма затмила творчество даже самого Шекспира.

В настоящее время Омар Хайям занимает первое место в ряду самых известных поэтов Востока, читаемых во всем мире. Миллионы книг его стихов, непрестанно переиздающиеся в переводах на русский, европейские, многие восточные и даже африканские языки вот уже на протяжении столетия не могут насытить книжный рынок. Четверостишия Омара Хайяма – о смысле жизни человека, о незащищенности его перед лицом судьбы и времени, об очаровании мимолетных мгновений радости, – стихи-афоризмы, в которых каждый из читающих находит нечто свое,

сокровенное и еще не высказанное, – стали общим духовным достоянием человечества [1, с. 471].

Удивительно, что на постсоветском пространстве Омар Хайям считается персидским поэтом номер один, хотя в самом Иране его так сильно не выделяют из ряда иных классиков и чтение его стихов не превращают в культ. Дело в том, что сначала англоязычные любители поэзии (после перевода Э.Фитцджеральда), а затем и русскоязычные, придали ему особый ореол мыслителя уровня библейского Эклесиаста, с его беспросветной горечью и скепсисом. Закрепилось мнение, будто бы Хайям – «богоборец», «философ-пьяница», «певец сладострастия» и переполненный горечью знаний циник [2]. Так кем же он был на самом деле? И возможно ли это понять по его стихам? Ответить на эти и многие другие вопросы как раз и попытался Э. Фитцджеральд, который снискал мировую славу именно благодаря тому, что на высоком художественном уровне перевел на английский язык рубаи Омара Хайяма. При переводе рубаи Фитцджеральд руководствовался двумя принципами. Первый из них заключался в необходимости дословного перевода, чтобы более точно передать смысл четверостиший и мысли самого поэта. Второй состоял в том, чтобы попытаться дать художественный перевод, который бы соответствовал принятому в викторианскую эпоху пышному и высокохудожественному стилю поэзии. По мнению Фитцджеральда, у читателя должна быть возможность выбрать именно тот текст перевода, который ему ближе по душе. Однако поэтический перевод зачастую пренебрегает содержанием в художественных целях.

Несмотря на то, что основным фактором в появлении востоковедения в Англии и в Европе в целом стали потребности колониализма, многие полагают, что перевод рубаи Омара Хайяма, выполненный Э. Фитцджеральдом, оказал очень сильное влияние на развитие английской мысли и литературы в XIX веке. Многие известные английские поэты, среди которых следует особо выделить лорда А. Теннисона, черпали вдохновение в восточных образах, создавая такие поэмы, как «Recollections of the Arabian night», «The Sleeping Beauty» и «Maud» [3, с. 31].

Влияние переводов Э. Фитцджеральда было сильным еще и потому, что

жизнь на Востоке была полной противоположностью жизни в Англии в викторианскую эпоху. Религиозность Востока противопоставлялась потрясению религиозных ценностей на Западе, причиной которого стали различные научные теории, появившиеся после выхода в свет книги Чарльза Дарвина «О происхождении видов». Твердость обычаев Востока – щедрости, добрососедства и сознания собственного достоинства – неизменно поражали англичан, которые ощущали потребность в этих обычаях из-за распространения культа материальных ценностей после победы промышленной революции. Наконец, чистая и искренняя любовь, отсутствие личной выгоды также повлияли на то, что Восток стал своего рода культом для английских поэтов XIX века. Ведь на Западе вместо этой любви они видели жизнь, наполненную материальными ценностями и стремлением к выгоде [4, с. 14].

Э. Фитцджеральд не был первым, кто обратился к наследию Хайяма, но был первым, кто начал исследовать и публиковать его труды. Первыми стали исследовать рубаи востоковеды, подготовив почву для дальнейшего изучения творчества Омара Хайяма. Но оказалось, что необходимо широкое и долговременное изучение наследия поэта. Первым из европейцев, кто обратился к этой теме, стал англичанин Томас Хейд, преподаватель арабского и древнееврейского языков в Оксфорде. Второй значимой фигурой был австриец Йозеф фон Хаммер-Пургшталь, который в 1818 году перевел несколько рубаи. Затем во Франции появился дословный прозаический перевод рубаи, выполненный Франсуа Николасом, который возглавлял группу, считавшую их автора суфием. После этого последовали и другие ученые, самым известным из которых считается Э. Фитцджеральд, прославившийся своими переводами рубаи, которые были в викторианскую эпоху и поразили всех своей красотой. Эти стихи получили широкую известность и привлекли внимание восточных мыслителей. Э. Фитцджеральд был талантливым поэтом и смог понять волшебную атмосферу Востока – суфизм и глубокую набожность, сочетавшуюся с пессимизмом. Все это породило внимание к Востоку, его религиям и народам.

Сами по себе переводы Э. Фитцджеральда – это произведения

искусства, принесшие Омару Хайяму мировую славу. Однако есть мнение, что Э. Фитцджеральд не изучал творчество поэта и не сделал ничего, чтобы постигнуть его рубаи. Единственное, что сделал англичанин, – взял ряд рубаи и на их основе создал самостоятельные произведения.

Чтобы узнать истину, мы обратились к анализу, проделанному Масудом Фарзадом, который тщательно сравнил переводы Э. Фитцджеральда на соответствие первоисточнику. В этой связи он говорит следующее: «Очевидно влияние творчества Хайяма, равно как и талант Э. Фитцджеральда. Этот проницательный человек смог создать один из бессмертных шедевров английской литературы – поэму, состоящую из ста рубаи, каждая из которых напоминает персидские рубаи, состоящие из четырех полустиший» [5, с. 18].

Э. Фитцджеральда сам создал основания для последующей критики. Он смешал различные темы, использовал некоторые персидские рубаи, из которых и создал все рубаи своей поэмы. Поэт хотел не просто перевести отдельные четверостишия, а стремился, чтобы его стихи смогли представить один полный день из жизни Хайяма, помочь постигнуть его идеи и их развитие: восходит солнце, открывается винная лавка (трактир); Хайям не спит, уходит туда и тихонько напивается; он пьет, самовосхваляясь, захваченный брэнностью жизни и слабостью человеческого разума, неспособного постичь тайны бытия и многие другие проблемы. Иногда поэт гневается, иногда бунтует, однако в любом состоянии он выражает свои мысли и чувства. Когда Хайям живет, он пьян, ночь опускает свои покровы, восходит Луна. Поэт снова погружается в море размышлений. В конце поэмы он дает свой завет. Тщательное изучение поэмы Э. Фитцджеральда, проведенное Фарзадом Масудом, показывает следующее: сорок девять рубаи были вольно переведены и по содержанию не соответствуют оригиналам; сорок четыре рубаи были переведены путем соединения текстов двух и более рубаи; два рубаи были переведены с оригиналов, которые имеются только в издании Николаса [6, с. 115]; два рубаи полностью передают дух поэзии Хайяма [7, с. 76]; два рубаи написаны под влиянием стихов из сборника «Язык птиц» поэта Фарид ад-Дина Аттара [8, с. 59]; два рубаи написаны под влиянием газелей Хафиза

Ширазского [9, с. 21]; происхождение двух рубаи, опубликованных в первом и втором издании поэмы Э. Фитцджеральда, не установлено.

Своим знанием персидского языка и персидской литературы Э. Фитцджеральд обязан Эдварду Кувеллу, который помогал и поддерживал его. В основном поэт опирался на два манускрипта – «Дабудильян» и «Калаката». Помимо «Рубаи» Хайяма Э. Фитцджеральд использовал также ряд иных персидских книг: «Газели» Хафиза Ширазского, «Гулистан» Саади Ширазского, «Пятерицу» Низами Гянджеви и «Язык птиц» Фарид ад-Дина Атгара.

Несмотря на то, что Э. Фитцджеральд назвал свою работу «переводом», его талант значительно вышел за границы простого перевода. Поэт осознавал это, говоря о Хайяма и других иранских поэтах, особенно о Фарид ад-Дине Атгаре и Абд ар-Рахмане Джами так: «Для этих иранских поэтов нужно незаурядное мастерство, чтобы пробудить стройный порядок их произведений». Тем не менее, перевод Э. Фитцджеральда считается самым известным переводом восточного произведения на английский язык и вторым по красоте и известности переводом на английский язык после перевода Библии. Поэма Э. Фитцджеральда стала прекрасным образцом стихов, передавших стиль и дух рубаи Хайяма, несмотря на упреки в том, что поэт не переводил оригинал слово за словом и строчку за строчкой, а сто один рубаи вообще не принадлежат Хайяму, а написаны другими поэтами. Однако Э. Фитцджеральд и не стремился всего лишь дословно перевести оригинал. Он был поэтом в полном смысле этого слова, питаемый надеждой передать дух поэзии Хайяма и создать шедевр, который увековечил бы его память.

К числу крупнейших исследователей творчества Омара Хайяма наряду с Э. Фитцджеральдом можно отнести датского литературоведа Артур Кристенсен, который в начале XX века опубликовал фундаментальное исследование наследия персидского поэта, состоящее из трех глав.

Первая глава посвящена истории, вторая – особенностям иранской национальной поэзии, в последней разбираются рубаи Хайяма. В последней главе, на основании содержания рубаи, были выделены следующие разделы: проблема гуманизма, бессмысленность жизни, рассуждения о жизни и

судьбе, важность морали и покаяния [10, с. 56].

В каждой главе Артур Кристенсен привел рубаи Хайяма, а также, насколько ему позволяла эрудиция в области персидской литературы, их аналоги из творчества других поэтов: Саади Ширазского, Амир Маази, Насира Хосрова, Низами Гянджеви, Абу Ала аль-Маарри.

Чтобы подчеркнуть важность работы Кристенсена, надо отметить, что собрание Франсуа Николаса, считающееся крупнейшим сборником рубаи, включает в себя более четырехсот беспорядочно расположенных стихов различных авторов. А. Кристенсен приводит слова российского исследователя В.А. Жуковского, который также разделял опасения датского ученого по поводу ряда рубаи: «Конечно, Хайям это не народный философ, однако очень тяжело поверить, что в одном человеке умещались столь противоречивые чувства и идеи: мораль и порок, благородное поведение и слепое следование страсти, величественность размышлений о жизни и падение в разнузданные непристойности...» [10, с. 86].

В этой связи следует рассмотреть ряд аспектов, которые ни в коем случае не ставят под сомнение историческую и художественную ценность творений Хайяма. Прежде всего, надо отличать творчество Хайяма и его влияние на иранскую культуру, в которой отражались политические и религиозные потрясения, догматы веры и постоянное противостояние между ними. Основоположником этих идей был Хайям, но они были подхвачены и распространены другими. С помощью так называемых «бродячих, блуждающих» рубаи, принадлежащих Хайяму и содержащихся в собраниях стихов других поэтов, мы видим, что суфийские и любовные рубаи были добавлены позднее.

Несмотря на тщательную критику, А. Кристенсен совершил ряд ошибок, важнейшей из которой стал критерий для выделения «исконных, оригинальных» рубаи Хайяма. Тематика рубаи, приписываемых Хайяму, очень разнообразна и противоречива, поэтому практически невозможно отделить произведения поэта от подобных им. Кристенсен предположил, что Хайяму принадлежат те рубаи, в которых указано имя поэта – таких насчитывается двенадцать, к ним он добавил два рубаи «Мирсад Ибад», что составляет четырнадцать из пятисот приписываемых поэту рубаи, автором

которых он может быть назван только в той или иной степени.

В 1927 году А. Кристенсен написал другую книгу, так как смог ознакомиться с бóльшим числом документов. В этом труде он использовал восемнадцать рукописей – из Британского музея, Национальной библиотеке в Париже, Берлинской государственной библиотеки, Азиатского музея в Ленинграде, библиотек Оксфорда и Калькутты, а также из манускрипта доктора Ф. Розена.

Вслед за другими исследователями, датский исследователь сомневался в подлинности тех рубаи, которые носят суфийский характер. По мнению А. Кристенсена, большинство из них было написано позже создания манускрипта. Ученый не был уверен в подлинности сборников, где рубаи размещались в алфавитном порядке, ибо такая система стала использоваться не ранее девятого века хиджры (XV век от Р.Х.). Также многие авторы хотели, чтобы у Хайяма были рубаи, начинающиеся со всех букв алфавита, и сами участвовали в составлении таких сборников. Среди групп, объединенных по тематике, можно привести следующие примеры: описание Всевышнего, таухид, покаяние, смирение и покорность. Однако А. Кристенсен скептически относился к идее о том, что эти рубаи принадлежат Хайяму. Несмотря на то, что востоковеды не сильно расходились во взглядах относительно времени создания манускриптов, древнейшим из которых является «Дабудильян», А. Кристенсен считал ряд рубаи сомнительными как из-за особенностей их языка, так и из-за содержания, утверждая, что они далеки и от слога Хайяма, и от его идей. Использованный А. Кристенсеном критерий «частотности» стал источником ошибок, так как из 121 рубаи, отобранных исследователем, многие лишь с трудом могут быть отнесены к наследию Хайяма [11, с. 86].

К числу других видных исследователей, занимавшихся изучением творчества Омара Хайяма можно отнести немецкого ученого Ф. Розена, который перевел рубаи Хайяма с персидского на немецкий в 1925 году на основе манускрипта, написанного в 721 году хиджры, испанского ученого Хосе Мигеля Бойорта, который занимался изучением влияние рубаи Омара Хайяма на творчество испанского поэта Гарсии Лорки, а также современного исследователя Пьера Паскаля, который провел скрупулезное

исследование литературного наследия Омара Хайяма.

Как это ни парадоксально, но обращение к творчеству Омара Хайяма среди арабской и персидской культурной элиты произошло на столетия позже, чем на Западе. Так, например, арабам рубаи Хайяма стали известны лишь во втором десятилетии XX века, когда были переведены на арабский язык. Первым это сделал Вади аль-Бастани, использовавший не только тексты-оригиналы Омара Хайяма, но и переводы Фицджеральда. После этого было сделано еще десять переводов рубаи на арабский язык как с английского, так и с персидского языков. Это переводы Мухаммада ас-Сабаи, Мухаммада аль-Хашими, Ахмада ас-Сафи ан-Наджафи (поэтический перевод с персидского языка), Ахмада Рами (поэтический перевод с персидского языка), Джамиля Садаки аз-Захави (прозаический перевод с персидского языка), Ахмада ас-Сирафа (прозаический перевод), Абд аль-Хакк Фадила (поэтический перевод), Мухаммада Ганими Хилала (прозаический перевод с персидского языка избранных рубаи), Мустафы Вахби ат-Телля [12, с. 15].

Особое внимание критиков и читателей привлекли переводы с персидского языка, выполненные Ахмадом Рами. Несмотря на то, что некоторые критики, достаточно сурово отнеслись к переводам Ахмада Рами, большинство литературоведов пришли к единодушному мнению, что поэтичность переводов Рами соответствуют уровню рубаи Хайяма и труду Фицджеральда [13, с. 20].

Что касается переводов Абд аль-Хакка Фадила, то они были изданы вместе с обстоятельным литературоведческим исследованием, в котором сравнивается творчество Хайяма и аль-Маарри, выявляются совпадения и различия между ними. Обоих поэтов сближает постоянное размышление о сущности бытия и растерянность перед жизнью. Однако отчетливо проявляется различие в творчестве поэтов: аскетизм Абу аль-Алы аль-Маарри и отказ от наслаждения жизни, к которым призывал Хайям. Несмотря на это различие, поэтов объединяет мудрость и острый ум [14, с. 16-24].

Перевод с персидского языка двадцати трех рубаи, выполненный Мухаммадом Ганими Хилалем и опубликованный в его книге «Избранные

рубаи Омара Хайяма» по праву считается наиболее точным и близким к оригиналу. Такая точность была достигнута благодаря прозаическому переводу, в котором смысл не приносился в жертву поэтичности [15, с. 135]. В своей книге Ганими Хилаль изложил основные результаты исследования, посвященного проблеме анализа рубаи, приписываемых Омару Хайяму. Ученый говорит об этом так: «Основываясь на многочисленных исследованиях, проведенных специалистами в области различных языков и на анализе многих рукописей и исторических записей, можно утверждать, что шестьдесят шесть рубаи действительно принадлежат Хайяму. На основании характерных особенностей этих рубаи к ним можно добавить еще сто восемнадцать четверостиший, которые, весьма вероятно, были написаны Хайямом. Таким образом, с большей или меньшей долей уверенности можно утверждать, что перу поэта принадлежит сто семьдесят восемь рубаи. Кроме них существуют еще сотни, а то и тысячи других рубаи» [15, с. 137].

Внимание древних арабских и иранских исследователей Омар Хайям привлек благодаря своим работам по математике и астрономии. О рубаи поэта они либо не знали, либо относились к ним отрицательно, обвиняя их автора в безбожии. Однако, на взгляд автора данной работы, такую великую персоналию, как Омар Хайям нельзя было рассматривать односторонне. Хайям – это, прежде всего, Человек со всеми присущими ему внутренними противоречиями, заблуждениями, слабостями. Но в то же время для него характерен здоровый скепсис и самоирония, пронизательность в оценках, творческий взгляд на действительность, стремление к истине, знаниям, добру, красоте и свободе как непреходящим ценностям. Изучение творческого наследия Омара Хайяма как раз и призвано помочь людям современности обогатить свой духовный мир, понять и принять то «разумное, доброе, вечное», что пронесли сквозь века строки выдающегося персидского поэта и мыслителя.

Известно, что во всем мире Омара Хайяма знают и чтут как поэта, автора изящных и точных по форме и глубоких по мысли рубаи, создателя знаменитого «Рубайята». Однако у себя на родине поэт стал известен сначала как выдающийся ученый-астроном, математик, физик и философ.

Не случайно уже при жизни поэта земляки награждали его почетными титулами «Доказательство истины» и «Царь философов Запада и Востока», а в средневековых исторических сочинениях и научных трактатах, упоминающих Хайяма, он именуется «мудрецом». Очевидно, именно поэтому большинство сведений о Хайяме касается прежде всего его научных занятий, карьеры придворного астролога. Достоверными же фактами о творческом пути Хайяма его биографы не располагают. Даже легендарных историй о Хайяме-поэте, являющихся неотъемлемой частью биографической литературы о знаменитых стихотворцах на мусульманском Востоке, не сохранилось. Естественно, возникает вполне закономерный вопрос: считается ли вообще Хайям у себя на родине поэтом? Многочисленные источники свидетельствуют, что соотечественники не признавали его таковым, хотя вообще обойти молчанием поэтическое творчество средневековые историки не могли, ограничиваясь скухими высказываниями типа «у него было много хороших арабских и персидских стихов», «ему принадлежат всему свету известные трактаты и несравненные по красоте и изяществу стихи». В то же время в исторических и биографических сочинениях можно встретить всего лишь одно большое стихотворение и шесть его четверостиший.

Таким образом, главным источником для жизнеописания поэта могут служить лишь книги, известные в средневековье как «истории мудрецов». Вместе с «тазекере» – поэтическими антологиями – «истории мудрецов» являлись разновидностью средневековой биографической литературы, весьма, впрочем, своеобразной. Наряду с достоверными данными в них приводились легендарные истории и анекдоты, призванные внести в сухой биографический очерк элемент занимательности, что, впрочем, не исключало веры рассказчика и читателя в их абсолютную подлинность.

Для современных читателей Хайяма эти сведения интересны тем, что они раскрывают некоторые черты психологического облика создателя «Рубайята», дают ключи к пониманию его взаимоотношений с миром, углубляют представления о том, как оценивали личность Хайяма его современники.

Рубаи – это характерный жанр персидской поэзии. Арабской поэзии такой жанр был неведом. Рубаи – это стих, состоящий из четырех полустиший (шатров). Размер каждого должен соответствовать выражению «Нет могущества и силы, кроме как у Аллаха». Первый, второй и четвертый шатр рифмуются друг с другом. Если же с ними рифмуется и третий шатр, то это рубаи «махмуд» (хвалимый, похвальный). Кроме упомянутых условий, рубаи должен иметь важную тему и высокий смысл. Если это условие не соблюдено, стих не может считаться рубаи.

Омар Хайям трансформировал эту форму в жанр философско-афористический. В его четверостишиях спрессованы глубокая мысль и мощная художественная энергия. Некоторые исследователи полагают, что, подобно античным стихам, рубаи пелись одно за другим; отделенные паузой – как куплеты песни – поэтические образы и идеи получали развитие от куплета к куплету, нередко контрастируя, образуя парадоксы [16, с. 66].

Точность, немногословность, отсутствие случайного, симметрия формы – все это роднит рубаи Хайяма с математической формулой. Форма хайямовского рубаи необычайно дисциплинирует переводчика, ставит жесткие границы и в то же время сама подсказывает приемы работы. Следует упомянуть такую особенность рубаи Хайяма, как «взаимозаменяемость деталей». Полстроки, целая строка, а порой и двустишие целиком повторяются в разных четверостишиях, могут быть перенесены из одного в другое [17, с. 6].

Самые известные персидские рубаи – это рубаи Омара Хайяма. Его рубаи – это совершенно новое явление в персидской поэзии, разорвавшее оковы традиций и косности и ставшее источником, из которого черпали последующие персидские поэты. Как и Фирдоуси, Омар Хайям стал выдающимся образцом персидского гения на протяжении веков.

Считается, что Омар Хайям создавал рубаи на протяжении всей своей жизни вплоть до глубокой старости. Специалисты до сих пор спорят, какие именно рубаи принадлежат Хайяму. Число «подлинных» рубаи поэта колеблется от двенадцати до тысячи с лишним – в зависимости от того, к какой школе принадлежит исследователь творчества Хайяма.

Следует признать, что современные исследователи иранской литературы придерживаются различных взглядов на творчество Омара Хайяма. Некоторые считают его ученым и благочестивым человеком, который не имел никакого отношения к приписываемых ему рубаи. Автор этих наполненных духом свободы четверостиший призывал к жизни во всех ее проявлениях. Поэтому, по мнению вышеупомянутых авторов, ученый не мог писать в жанре рубаи и рассуждать на темы, связанные с бытием и смертью. Вместе с тем, указанные темы были основными в иранской литературе до Хайяма, при Хайяме и после Хайяма. Среди авторов, обращавшихся к ним, следует отнести Рудаки, аль-Каздари, Фархи ас-Систани, Асаджади, Катрана ат-Тебризи, Маази ан-Нишапури, Анвари, Хафиза Ширазского, а также Абу Нуваса, который писал свои стихи по-арабски. Некоторые исследователи указывают, что гонения, которым Хайям подвергался при жизни и после смерти со стороны ревнителей религии, в некоторой степени были связаны с тем, что его имя было Омар, которое презирается шиитами [14, с. 87].

Жанр рубаи был составной частью персидской литературы, которая в языковом, стилевом и тематическом планах находилась под сильным влиянием арабской литературы. Считается, что первым сборником персидских рубаи стал сборник «Махасий», написанный Абу Саидом Абу аль-Хейром, который умер незадолго до рождения Хайяма. Затем жанр рубаи стал популярен и среди других поэтов.

Стихи Хайяма очень неоднозначны, и подгонять их под какую-то схему, толковать их в одном ключе – значит получить заведомо ошибочный результат. Каждое четверостишие требует тщательного анализа: Хайямовское ли оно по стилю и духу, если да, то в какой период жизни могло быть им написано? В каком настроении? Как перекликается со всеми остальными? Если это явный экспромт, в какой ситуации мог он возникнуть? Переводчик должен совершить невозможное: перенестись в его время, слиться с поэтом, воплотиться в него. И тогда Омар Хайям – оживет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стариков, А.А. Фирдоуси и его поэма «Шахнаме» // Фирдоуси, Шахнаме. В 5-и томах. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963. Том 1.
2. Джаннат Сергей Маркус. Омар Хайям – кто он? <http://www.arabic.com.ua/article.php?art=136>.
3. Brown E.K. and J.O.Baillyeds. Victorian poetry. New York, 1972. The Roland press company. P. 31.
4. Buckley Jerome. The Victorian temper. London: Cambridge university press, 1969.
5. Фарзад Масуд. Рисала би-Шираз. Техран, 1996.
6. Исмаил Йакани. Надира айам хаким Умар Хайям ва рубайат. Техран, 1998.
7. J.V., Nicolas. Les Quatrains de Kheyam, Paris 1981.
8. Аль-Аттар Фарид ад-Дин. Минтак ат-Тэйр. Тарджима. Аль-Кахира, 1975.
9. Аш-Шураби Ибрагим. Газалият Хафиз Ширази. Аль-Кахира, 1944.
- 10.Christensen. A. Rubaiay de Omer Nayyam. Heidelberg, 1905.
- 11.Christensen A. Studies in the Rubaiyat of Umar Khayyam. Kobengavan, 1927.
- 12.Аль-Бастани Вади. Рубайят Умар аль-Хайям. Бейрут, 1912.
- 13.Ан-Наджафи, Ахмад ас-Сафи. Рубайят Умар аль-Хайям. Дар Тилас. Димашк, 1998
- 14.Абд аль-Хакк Фадиль. Саура аль-Хайям. Аль-Кахира, 1951.
- 15.Мухаммад Хилаль Ганими. Мухтарат мин аш-шиар аль-фарси. Аль-Кахира, 1965.
- 16.Еремин В. Н. Сто великих поэтов. М.: Вече, 2007.
17. Плисецкий Г. Формула Хайяма // Омар Хайям. Рубайат. Москва: АСТ, 2007.